

An aerial photograph of a vast, dense evergreen forest, likely a spruce or fir forest, covering a hilly or mountainous region. The trees are a deep green color, and the perspective is from a high angle, looking down on the canopy. The forest extends to the edges of the frame, with some lighter patches that might be clearings or different tree species.

КОСОЙ КРЕСТ

Повесть

Сергей Минский

Сергей Алексеевич Минский

Косой крест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30814128

SelfPub; 2023

Аннотация

В конце 80-х Белорусская экспедиция глубокого бурения ведет геологическую разведку площадей в Западной Сибири – в Ханты-Мансийском национальном округе – вблизи Оби: где-то между Няганью и Ураем. Молодому геологу Евгению Ивановичу Емельянову, можно сказать, по благу удастся осуществить свою давнюю мечту – устроиться в эту экспедицию на работу. Через год – осенью, чтобы провести часть отпуска в тайге, он вылетает на вертолете на одну из отбурившихся точек, оставленных до начала «зимника». С этого начинаются его приключения, которые становятся опасными для жизни испытаниями.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
1.	4
2.	10
3.	14
4.	18
5.	24
6.	29
7.	33
8.	38
9.	42
10.	51
11.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Минский

Косой крест

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Желание попасть на работу в Белорусскую экспедицию глубокого бурения в Западной Сибири неотвязно сопровождало Женю вот уже месяц. Узнал он о ней давно – году, наверное, в семьдесят восьмом, когда еще учился в университете. В одной компании как-то познакомился с Игорем Сосновским, чей дядя, по его словам, работал в ней заместителем начальника. Но вот чтобы так заболеть желанием попасть в Сибирь, пришлось, когда случайно в одной из телепередач «Клуба кинопутешественников», безмерно обожаемых отцом, увидел ее сверху – из иллюминатора вертолета. И словно что-то перещелкнуло в душе. Будто затвор фотокамеры сработал. Великолепие «зеленого моря тайги», испещренного реками и речушками, бликующими отраженным солнечным светом, словно челнок, втащила в сознание образ Сосновского. «Точно, – пришлось озарение, – надо попробовать... Времени, конечно, прошло...» Он подо-

шел к письменному столу, и почти сразу же, как выдвинул ящик, наткнулся на свою старую, студенческой поры записную книжку: красный уголок обложки торчал из-под общей тетради каких-то почему-то сохранившихся конспектов. Достав ее, засомневался: «На «с» или на «и»?» Но пальцы уверенно сделали свое дело. «Игорь С.» Легкое волнение крови еще больше расшевелило память, и та невольно снова отшвырнула мысль в прошлое...

– Пошли! – Гриша настойчиво толкнул его в плечо, – Что ты все мямлишь? Ну, незнакомые – познакомишься. Я тоже там не всех знаю.

– Ты? Это что анекдот такой?

– А ты не сомневайся... Слу-ушай! Там парочка таких чувих есть, – он даже цокнул языком, – И обе... в этом смысле – не промах. Главное – как подкатишься, – Зарайский весело рассмеялся, видимо, намекая, что даже такому тюфяку, как Женя, там что-то может обломиться.

– Ха-ха-ха, Зарайский, – передразнил Женя, – Сам себя насмешил. А спорим, – его почему-то понесло, – какую захочу из них, такую и сниму.

– На что? – опять засмеялся Гриша, но уже, видимо, предвкушая позор товарища.

– На фофан.

– Ну-у... это не серьезно, – Зарайский даже изобразил оскорбленный вид.

– Соглашайся, – отрезал Женя, – Пока предлагают. Тебе какая разница? Все одно – повеселишься.

– Ладно, голытьба, заметано.

Они уже были у самой двери, за которой ритмично бухали низы, и уже собирались войти, когда Зарайский остановился и, обернувшись, съехидничал:

– Ну что? Волнуемся?

– Да пошел ты... – отмахнулся Женя.

– А кто тебя за язык тянул? Слу-ушай... – он, будто что-то вспомнил. Хитро улыбнулся и непререкаемо заключил, – У меня есть условие.

– Какое еще условие? – насторожился Женя, хорошо зная своего товарища.

– Клеим только одну. И я, и ты, – Зарайский еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Так мы же уже... – хотел возмутиться Женя.

– Кого выберет... Так будет по чесноку, – безапелляционно добавил он.

– Ну, ты гад, Шалопута...

– Струхнуло дитяtko?

– Ладно, – согласился Женя, – Пошли.

Они попали в самый разгар веселья. Гремел «Распутин», и человек десять уже расслабленных парней и девчонок стояли по кругу, дергаясь в такт музыке. А в кругу две шикарные, с красивыми сексапильными телами подруги зажигали остальных экстаическим танцем. Они периодически каса-

лись одна другой бедрами, туго обтянутыми темно-синими джинсами. Нарочито выставляли в движении бюсты, заставляя их колыхаться. Обозначали в воздухе поглаживания руками, огибая рельеф завидных форм. Они словно боролись с непреодолимым желанием слиться воедино, то сближаясь и изображая непристойное желание, то чуть отстраняясь друг от друга. И тогда на их лицах можно было прочесть сожаление. У Жени даже дыхание перехватило, и душа устремилась в этот порочный круг, тревогой отзываясь внизу живота. «Вот это я понимаю», – подумал он восторженно.

– Это они, – уточнил Гриша на ухо, толкнув его локтем в бок.

– Да я уж и сам догадался... Клевые.

«Распутин» быстро закончился, и хозяйка квартиры – по крайней мере, так показалось Жене – выключила магнитофон.

– Ребята! – обращая на себя внимание, почти выкрикнула она сквозь недовольные ее поступком голоса парней, жаждавших продолжения, – У нас гости... – она повернулась в сторону Гриши, – Зарайский, может, ты представишь своего друга?

Женю, оказавшегося в центре внимания и кожей ощутившего на себе взгляды, на секунду взяла оторопь.

– Прошу любить и жаловать, – начал паясничать Шалопута. Он сделал поклон, выставив вперед руку, – Емельянов Евгений Иванович. Студент геологического факультета. Кста-

ти, Ленчик... – обратился к хозяйке, – ну, очень хороший парень, – и добавил, – Рекомендую.

Все засмеялись. Кроме обескуражено улыбнувшейся Лены и, конечно, Жени, который, почувствовав со стороны Зарайского очередной подвох, бросил на него исподлобья взгляд. «Специально, гад, делает... чтоб отвлекала». Из-за досады он не сразу обратил внимание на протянувшего ему руку человека. И только после того, как тот произнес свое имя, включился во внешний мир.

– Игорь, – приветливо глядя в глаза, произнес парень.

– А? Да. Извини, – ответил Женя на крепкое рукопожатие, – Евгений.

– У меня дядя... тоже геолог. В геологоразведочной экспедиции работает, – видимо, для продолжения разговора заметил Игорь, – Летает в Сибирь – вахтовым методом.

– Да? Здорово. Ты знаешь, я... – уже было собрался отойти в сторону Женя.

– А ты Григория давно знаешь? – спросил Игорь, улыбувшись, будто извинялся за бестактность.

– Гришку? Слишком давно. Достаточно, чтобы не воспринимать всерьез, – усмехнулся Женя, вспомнив последний финт Зарайского. Получилось как-то недружелюбно.

– А-а... Ну тогда все в порядке, – констатировал собеседник понимающе.

– А что? – пожалев о тоне, каким ответил, переспросил Женя, хотя уже наверняка понял, к чему клонил собеседник.

– Да нет, это я так... Чтобы ты не обижался на его выпады. Гриша парень хороший. Но своеобразный.

– Что своеобразный, то своеобразный... А ты... – хотел спросить Женя.

– Мы с ним в одной группе, – не дожидаясь конца вопроса, ответил Игорь.

– А-а, ты тоже с биофака...

Фраза прозвучала так, словно биофак – не что иное, как сумасшедший дом. Ну, или что-то вроде того.

– Да мы здесь почти все оттуда, – улыбнулся Игорь, уловив двусмысленность и обыграв ее.

Оба рассмеялись и пожали друг другу руки.

Красная обложка записной книжки почему-то напомнила удостоверение или пропуск. «Пропуск в мое прошлое», – пришла мысль. Появилось то ли сожаление, то ли грусть. «Позже, – решил, – Вечером позвоню».

2.

Приятный, даже обворожительный голос в трубке резонансом отозвался в груди.

– Извините... – замялся Женя, поздоровавшись, – Я учился с вашим... – он вдруг засомневался, что разговаривает с матерью Сосновского – почувствовал несоответствие между восприятием и его ожиданием, – Меня зовут Евгений... Емельянов. Я в университете учился вместе с Игорем... только на другом факультете...

Телефонная трубка не подавала признаков жизни.

– Але... Вы меня слышите?

– Да, я слушаю вас. А Игоря дома нет.

– Да-да, я в курсе. Извините, а с кем я... как ваше имя-отчество? – он все еще сомневался – а вдруг все же у матери такой юный голос.

– Я – Маша. Сестра Игоря, – прозвучало с некоторым удивлением.

– Очень приятно, Маша, – заторопился Женя, осознав, что озадачил девушку последним вопросом, – А скажите, пожалуйста... я бы хотел узнать его телефон... ну, где он теперь работает.

– А там нет телефона, – как-то по-детски проговорила Маша, – Они там в полевых условиях. Игорь сам нам звонит, когда бывает в районе... Или из деревни какой... Откуда при-

дется. Я ему скажу о вас, когда объявится – вы телефон свой дайте.

– Да. Конечно. Записывайте.

– А, кстати! – зазвучал обрадовано, и снова с каким-то детским наивом, голосок, – Брат обещал приехать на эти выходные. Так что в субботу после обеда он уже должен быть дома.

– Спасибо, спасибо, Маша, – Женя почувствовал как наполняется ее радостью, – Я вам очень признателен. И все же – запишите мой номер. Вдруг Игорь позвонит раньше...

Всю неделю он прождал безрезультатно. Наконец, наступила суббота. Как обычно по выходным дням, просыпание оказалось ранним. И даже очень. В половине шестого он открыл глаза с таким ощущением, будто только что их закрыл.

В промежуток между полупрозрачными шторами пробивался яркий свет. Вчера пришлось задернуть их – луна светила в лицо. Из приоткрытой форточки в комнату вместе с запахами вливались голоса пернатых, наперебой поющих хвалебные песни новому дню.

Немного полежав расслабленно, наслаждаясь пониманием свободы от обязанностей, Женя вдруг поймал себя на глупой мысли, что выходной начинается с субботы. «К чему бы это? – удивился, и почти сразу вспомнил, – Сегодня же после обеда звонить Игорю – в Речицу».

С этого момента и до обеда время до безобразия растяну-

лось. Оно казалось каким-то густым и малоподвижным, как воздух, напитанный влагой от распаренной солнцем земли. Ночью прошел дождь, и теперь жаркие лучи последнего майского дня, подхватывая из почвы молекулы воды, уплотняли ими пространство, отчего появлялось ощущение тяжести. «В мае маются, – прозвучал в сознании чей-то забытый голос. Но вспомнить его не получилось: взгляд зацепился за часы на руке. Стрелки изобразили на белом циферблате узкую, очень острую букву «V». «Час уже почти, – подумал Женя, – Пора».

После нескольких гудков раздалось знакомое «але». Мгновенно заполнив собой сердце, оно заставило его быстрее сокращаться.

– Добрый день, Маша. Это Евгений... Емельянов. Я вам звонил в начале недели...

– Да-да, я помню, – почему-то обрадовалась она, – Игорек уже приехал. Я ему о вас буквально только что говорила. Он сейчас в ванной. Моется.

Радость передалась и Жене.

– Спасибо, Маша, что не забыли.

– Да за что? – весело возмутилась она, – Не за что меня благодарить.

– Есть, есть за что, Маша, не спорьте, – он вдруг почувствовал нежность к ней, – Вы так по доброму отнеслись ко мне... – но тут же опомнился, – А через сколько я могу перезвонить? Когда он там управиться?

– Секундочку... – в трубке стало совсем тихо: видимо, ее прикрыли ладошкой, – Але? Женя?

– Да, я слушаю, – сердце как-то неожиданно отреагировало на собственное имя.

– Игорек, как освободится, сам вам перезвонит.

– Хорошо, Маша. Спасибо вам огромное.

– Да не за что. До свидания.

– До свидания, Маша.

От разговора, от этого голоса, грудь заполнила беспокойная теплота. Как и в прошлый раз. «Что... – отозвалось в сознании, – Что в ее голосе такого необыкновенного?»

3.

И еще час пришлось сидеть привязанным к телефону. В какой-то момент появилось желание перезвонить самому – услышать бунтовавший кровь голос. Остановило лишь осознание бестактности такого поступка. Где-то в глубине души образовалась дилемма, где чувства и разум отчаянно спорили между собой, и где разум пока побеждал – Жене не хотелось казаться назойливым. А потому, наверное, чувство сожаления, что может никогда больше не услышать этот голос, настаивало на звонке. Скорей всего, если бы пришлось еще ждать, он бы, наверное, решился – бестактность уже не виделась такой непреодолимой, как вначале. Но так долго ожидаемая, но такая неожиданная трель звонка развела по своим местам конфликтующие стороны. Женя даже вздрогнул, настолько ушел в себя, борясь с желанием пообщаться с девушкой.

– Слушаю?

– Але? Женя? Привет...

– Привет, Игорек. Рад тебя слышать. Как жизнь? От Ша-лапуты слышал, ты в «Охрану природы» подался? С браконьерами сражаешься?

– Да, старик, сражаемся потихоньку. А как там Гришка?

– Да нам и поговорить-то толком не удалось. Буквально пару слов и он сбежал. Ты же знаешь...

– Еще бы. Он ко мне приезжал как раз, как я работу поменял. Я же через отца в экспедицию его устраивал...

– Куда? – от неожиданности переспросил Женя, словно не расслышал сказанного.

– В экспедицию. Куда отец мой летает... Але, Жень, ты куда пропал?

– Я? Нет, никуда.

– Ну, а ты как? Что тебя заставило вспомнить обо мне? Мы с тобой уже... не один год как не виделись?

– Игорек... не знаю, как и сказать тебе... – до Жени вдруг дошло, что он разговаривает с совершенно чужим человеком, живущим своей собственной жизнью. Разве они были друзьями? Так. Хорошими знакомыми, прекрасно понимающими друг друга с полуслова. Что их связывает? Общая в прошлом компашка с биофака, куда он попал благодаря Гришке Зарайскому. А Гришка и поучился-то на факультете пару лет. «И что Сосновскому до меня? Почему он должен вникать в мои трудности?»

– Что-то случилось? Помощь нужна? – как-то участливо спросил Игорь, – Жека, мы же не чужие? Говори как есть. Смогу – помогу.

Стало не то чтобы стыдно, но как-то не по себе, что так подумал о человеке. Что тот ни сном, ни духом, а его вот так вот. «Шалопуту же пристроил. Может, и мне повезет?»

– Игорек, извини... – Женя запнулся, – Короче! Не буду тянуть кота за хвост: я хочу устроиться в эту летающую экс-

педицию. Ты когда-то говорил...

– Господи, и всего-то? Я уж думал и вправду что-то случилось. Ну, ты даешь, Жека, – возмутился он и замолчал.

– Але?

– Подожди, Жень. Дай секунду подумать.

– Да. Конечно, Игорек...

– А ты знаешь? Давай я тут покумекаю... и перезвоню тебе. Минут... через десять... ну, пятнадцать, от силы. Добро?

– Как скажешь, – Женя снова вдруг потерял уверенность в том, что помочь ему готовы.

– Не дрейфь. Что-нибудь придумаем, – Игорь будто почувствовал его настроение, и снова стало неудобно перед ним.

Сосновский перезвонил, как и обещал.

– Знаешь что? – сказал он сразу же, как только Женя поднял трубку, – Ты завтра выходной?

– Да. Завтра же воскресенье.

– Ну, так вот тебе мой ответ. Завтра с утра... садишься в автобус... и ко мне. Сорок километров – с остановками час езды. Позвонишь с вокзала – во сколько рейс, и я тебя здесь встречу... Познакомлю с отцом. Он как раз сейчас дома – в отгулах. А то заочно – сам знаешь...

– С отцом?

– Ну, да. С отцом. Он в экспедиции не последний человек.

– Ты же говорил – дядя...

– А-а... – Игорь усмехнулся, – Да это так – для компании. Тогда я расценивал подобное, как хвастовство со своей стороны. По крайней мере, тогда так считал. Вот и говорил о дяде. А потом мы с тобой на эту тему больше не говорили – ты потому и остался в неведении.

– Хорошо, Игорек, – Женя обрадовался, – Я готов, – Вдруг до него дошло, что кроме всего прочего в Речице его ждет встреча с Машей. И эта мысль, словно огромная волна, накрыла его с головой. Выхватила из потока времени. Растревоженное сердце на мгновение захлебнулось. Потом снова стало пульсировать. Но уже быстрее обычного. Оно настойчиво, волнуя кровоток, посылало через него в мозг сигналы, что Маша «именно та... та, которая...»

– Ну, вот и ладненько, – заключил Игорь, – Тогда до завтра... Да! – вспомнил он, – Не вздумай ничего притащить с собой – ты не знаешь моих родителей.

4.

На следующий день ближе к одиннадцати Женя в сопровождении Игоря вошел в квартиру Сосновских.

– Маруся? Ты где? – войдя в прихожую, позвал Сосновский, – У нас гости...

В проеме показалась миниатюрная светловолосая девушка лет восемнадцати. В шортиках, розовом свободного края топике на шлейках и носочках того же цвета. И у Жени в груди все сжалось. Так захотелось обнять ее. Словно после долгой разлуки. Появилось ощущение, что вот такой он ее и представлял. Потом вдруг осенило: он знает ее откуда-то, или знал. «На морском песочке Я Марусю встретил В розовых чулочках, Талия в корсете», – ритмично – в такт сердцу зазвучало в сознании.

– Здравствуйте, – совершенно просто сказала Маша, посмотрев на него, и добавила, обращаясь к брату укоризненно, – Я же тебя просила...

– Прости, сестренка. Ничего не могу поделать с собой. Ну согласишься – красиво же звучит... Маруся... Правда? – обернулся он к Жене.

– Ну, хотя бы не на людях... Ты же обещал.

– Ну, ладно, ладно. Не буду больше... Извини, – обратился к Жене, – Моя сестра – Маша. Машуля, а это мой друг – Женя, с которым ты общалась по телефону...

– Я уже поняла... Извините, нас, – повернулась она к гостю, – Проходите, пожалуйста.

– Спасибо, – Женя, почему-то, засуетился, не выдержав ее взгляда. Зачем-то наклонился, чтобы разуться, хотя мог бы это сделать и без того. Стало неудобно еще и перед собой. Перед собственным самолюбием – что так спасовал перед девушкой. А когда распрявился, ее уже в дверях не было.

– Проходи, проходи, Жека, – Игорь похлопал его по плечу, – Будь, как дома.

– А родители... – Женя не успел договорить.

– Скоро будут – придется подождать. А ты что – торопишься?

– Да нет.

– Ну, вот и ладушки. Проходи, давай.

Оглядываясь по сторонам, Женя вошел в комнату, напоминавшую гостиную. В ней почти не было мебели. Диван, горка с хрусталем и большим столовым сервизом и круглый стол под похожей на покрывало скатертью с четырьмя стульями. От дивана до самого потолка в длину висел тонкий ковер с восточным орнаментом, а над горкой – репродукция «Девятого вала» на ткани в большой с имитацией золочения раме. Да несколько карандашных, заштрихованных кое-где углем графических работ располагалось по стенам. В комнате – никого. Маша, видимо, ушла в соседнюю. Там через полуоткрытую дверь слышны были мягкие шаги и иногда легкое поскрипывание пола. На Женин вопросительный взгляд

Игорь махнул рукой.

– Марусечка к исторической грамматике готовится. Она, когда что-нибудь учит, все время километры наматывает по квартире. Говорит – так запоминается легче.

Женя подошел к одному из рисунков и залюбовался.

– Классно! Всегда завидовал людям, умеющим рисовать. А чьи это работы? – он обернулся.

– Нравится? – Игорь как раз выходил из соседней с Машинной комнаты, и вопроса, скорее всего, не слышал, – Интересноешься живописью?

– Классно. Я говорю, что всегда завидовал людям, имеющим такой талант, – приятные ощущения, возникшие в нем от созерцания графики, вернули к мыслям о прелестной девушке, совсем рядом вышагивающей свою «историческую грамматику», – А почему ты сестру Марусей называешь? Ей же не нравится, – тихо, чтобы его не услышали в другой комнате, спросил Женя.

– А что – она не Маруся? Мария, Маша, Маруся... Мне зато нравится. Я как услышал однажды по радио одну душещипательную песенку, просто без ума был... Слышал? Моя Марусечка, а жить так хочется... – напел он, – Вот как услышал, так за душу взяло. С тех пор Машку Марусей и зову.

– Так ей же не нравится, – повторил настоятельно Женя, не успев вовремя сообразить, почему это делает.

Игорь посмотрел на него и улыбнулся. Понял, видимо, в чем дело, но оставил без комментария.

– Да нравится ей, – он, словно извинялся, – Просто не хочет, чтобы я ее так на людях называл. Ты же знаешь... – он на секунду замолчал, пытаясь, наверное, сформулировать мысль, – опошил наш пролетарский социум эту форму имени. Маруся... или Дуня... как в дразнилках детских. Равносильно, что сказать – дурочка. А ведь звучит-то красиво. Нежно.

– Ну, да, – согласился Женя, – Наверно, ты прав.

– Да не наверно – точно, – с чувством произнес Игорь, – Пройдет время и все вернется на круги своя... Сестренка, – позвал он, обернувшись к приоткрытой двери, – может, ты уже отдохнешь от своей зубрежки, кофейку сделаешь – с пенкой, посидишь с нами?

– А сам что? – не сразу ответила Маша, – Ты же знаешь – у меня историческая на носу – это же сопромат для филолога.

– Догадываюсь... – Игорь, улыбаясь заговорщически, посмотрел на Женю, – А, может, все же оторвешься на пару минут? Тут тобой интересуются.

Женя почувствовал, как лицо моментально обдало теплом. Он удивленно посмотрел на Игоря, ошарашенный таким пассажем с его стороны.

– Игорек? – вырвалось у него. Но тот приложил палец к губам, давая понять, что это не обсуждается.

– Ты что – сватаешь меня, братец? – Маша вошла в комнату. Она взглянула на Женю и недвусмысленно отвернулась, пряча улыбку.

«Ну, Игорек! Ну, спасибо тебе», – Женя потерялся, не соображая, как себя повести перед девушкой.

– Да нет, Машка, я имел в виду твою графику. Вот человек говорит – завидует тебе...

– Это ваши? – удивился Женя, еще не успев прийти в себя от предыдущего

– А вы...

– Женя, вы просто, наверно, не пробовали? – не дала она ему договорить, чувственно включившись в разговор, – Может, в вас такой талантище спрятан... А вы об этом и не подзреваете. Евтушенко говорит – почему люди понимают то, что делают художники, поэты или композиторы? Да потому что в душе они сами и художники, и поэты, и композиторы... В разной степени, конечно, – добавила она, – Но пока вы не попробуете что-то сотворить, вы никогда не узнаете – есть ли это в вас. А еще нужно желание и годы тренировок, чтобы рука стала продолжением мозга, – она замолчала, вопросительно глядя на него.

Женя пожал плечами.

– Наверно... – мысль, что, пока она говорила, любовался ею, пробудила в нем чувство законченности чего-то. Пришло осознание, что так, как было, уже никогда не будет. Что в этой девушке сконцентрировано все его будущее.

– Да не наверно – точно, – Маша даже интонацию брата повторила.

«Глаза... – понял вдруг, почему девушка показалась зна-

комой, – Я видел их... Нет, я знаю их... Всегда знал», – осенило его. Но за этим сразу же возникло непонимание – как такое вообще может быть. Правда, продержалось оно лишь мгновение. Его сменила радость. Снова захотелось обнять это прелестное, ставшее вдруг таким родным, существо, по которому, оказывается, он скучал всю свою жизнь. Но только сейчас осознал это.

5.

На полуслове Сосновский поднял кверху палец, прислушиваясь. Женя и Маша тоже замерли. Со стороны прихожей послышалось движение. Игорь встал с дивана.

– Жека, ты, если что – молчи. Я буду говорить, – он повернулся и пошел навстречу родителям. Маша тоже встала и удалилась в свою комнату, оставив его одного.

Через какую-то минуту в комнату первой вошла среднего роста женщина. Женя подумал, что, судя по Игорю, ей, должно быть лет сорок пять. Но выглядела она гораздо моложе. И по фигуре, и по ногам. Если бы увидел сзади – где-нибудь на улице, мог бы подумать, что видит девушку. Но лицо, хотя и выглядело прекрасно, все же несло на себе печать времени. Особенно, когда она, посмотрев в его сторону, наклонила голову – по бокам подбородка появились небольшие складочки.

В знак приветствия Женя встал.

– Мам... – за ней появился Игорь, – это Евгений... Емельянов – мой товарищ по университету. Геолог, кстати... Жень, а это наша с Машулей мамочка – Марина Витальевна, – он улыбнулся и сделал движение в сторону матери, обняв ее одной рукой.

– А я уж было подумала, что у Машки кавалер завелся, – улыбнулась она в ответ, продолжая пристально смотреть на

гостя, – А вы, молодой человек... какими судьбами к нам?

– Я? – обычный, казалось бы, вопрос прозвучал для Жени неожиданно, – Я...

– С отцом хочу познакомиться его, – пришел на помощь Игорь, – А, кстати, где он? Вы же должны были вместе прийти.

– В магазин отправила. Сейчас придет, – ответила Марина Витальевна сыну и снова повернулась к Жене, – А вы, Евгений, я так понимаю, на работу хотите устроиться – в экспедицию?

Ничего не оставалось, как признаваться в цели визита.

– Да... Вроде того, – добавил он, не понимая, зачем это делает, и сожалея об оплошности.

– Так – да? Или – вроде того? – переспросила неожиданно Марина Витальевна.

Если бы она улыбнулась, стало бы понятно, что шутит. Но она не улыбалась. И это ввело Женю в ступор – он уже не знал, что и говорить.

– Мама! – засмеялся Игорь, – Ну что ты смущаешь Евгения Ивановича? – попытался он сгладить ситуацию.

– А Евгений Иванович – что – не может обойтись без адвоката? – серьезно спросила она, – Как-никак не мальчик, – в ее голосе почувствовалась жесткость.

Женя совсем опешил. Чего угодно ожидал. Но только не такого приема. Появился вдруг внутренний образ Машиного лица, почему-то сопровождавшийся мыслью о теще.

В прихожей хлопнула входная дверь.

– Мам, папа пришел, – попытался отвлечь мать Игорь.

– Слышу, – ответила Марина Витальевна, – Иди, помоги.

Авооську заведи. Занеси на кухню.

– Хорошо, – вздохнул он.

– Женя, – уже мягче начала Марина Витальевна, как только Игорь вышел, – Не скрою – вы мне сразу понравились, – она, наконец, улыбнулась, – Но нельзя же быть таким стеснительным. Вам необходимо поработать над собой.

Женя, получив карт-бланш, осмелел.

– Извините, Марина Витальевна, просто с таким стилем общения я сталкиваюсь впервые. Вы совершенно открыто – без обиняков ведете разговор. А это в какой-то мере шокирует. Вот вы говорите, что я – не мальчик, а ведете себя со мной, как с мальчиком.

– Во-от... – опять улыбнулась Марина Витальевна, продолжая разговаривать с ним, как с ребенком, – Вот теперь я слышу внятную речь... – она не успела договорить, потому что на пороге показался солидный с залысынами на голове отец семейства. Его круглый живот слегка растягивал промежутки ткани меж пуговиц на рубашке, видневшихся из-под сместившегося немного в сторону галстука. И от этого живот казался крупнее, чем был на самом деле.

– Добрый день, – добродушно произнес он.

За его спиной появилась сияющая физиономия Игоря. Он стал протискиваться в дверной проем, заставив отца чуть вы-

двинуться вперед.

– Пап, я тебе уже как-то рассказывал. Это и есть Женя... Емельянов. Познакомьтесь. Женя, это мой папа – Альберт Михайлович Сосновский. Прошу любить и жаловать.

Старший Сосновский протянул ладонь для рукопожатия. Оно оказалось не сильным и не слабым. И руку Альберт Михайлович подавал почти что ладонью вверх, а после того, как пожал, накрыл сверху другой.

– Очень приятно Женя. Я помню – Игорек, когда вы познакомились, уши мне прожужжал о тебе, – лукаво заметил он, – И что же ты к нам так долго не мог собраться? – он прошел и сел в кресло, положив ногу на ногу.

– Так никто не приглашал, – в тоне хозяина квартиры с улыбкой ответил Женя и взглянул на младшего Сосновского, – Этот вопрос к Игорьку. А если серьезно... ну... вот как-то так сложилось.

– Ты садись, Женя, – Марина Витальевна перешла на «ты», – В ногах правды нет. Тем более, пока мы с Машей приготовим обед, у вас будет время поговорить с Альбертом Михайловичем... Да, Альберт? – обратилась она к мужу

– Правильно я говорю?

– Да, дорогая... А, может, чайку? Зеленого и без сахару, как мы в Средней Азии когда-то делали в жару, – он вопросительно посмотрел на Женю.

– Нет-нет, спасибо.

– А мне... пожалуй, да, – Альберт Михайлович перевел

взгляд на жену, – Мариночка, с лимончиком, пожалуйста.

– Хорошо. А ты, Игорек?

– Нет, мам. Спасибо.

– Маш!?! – позвала Марина Витальевна дочь, – Пойдем – поможешь мне: лучший отдых – это смена занятий, – и она ушла в кухню. А через минуту туда же своими ножками в розовых носочках продефилировала и Маша.

6.

– Разрешите?

Жене никто не ответил. Помещение, в которое, постучавшись, заглянул, казалось совсем темным после улицы и пронизанного солнцем холла. В лицо пахло горячим и, показалось, влажным воздухом, отозвавшимся в носу специфическим канцелярским духом. Запах некачественной, превращавшейся в пыль с течением времени бумаги спорил с привнесенными хозяйкой кабинета ароматами дешевых духов и немолодого тучного тела. Светловолосая, со следами хны на седеющей голове женщина подняла глаза над очками и, молча, посмотрела сквозь него.

– Извините... я на работу пришел устраиваться, – Женя даже забыл поздороваться.

В глазах женщины появилось недоумение человека, которого оторвали от глубоких размышлений. Потом на какую-то долю секунды в них мелькнуло любопытство, но тут же исчезло за выработанной годами броней чиновничьего безразличия.

– Мы никого не берем, – сухо чеканя слова и отведя при этом глаза в сторону, бросила она.

– Как? – от неожиданности спросил Женя, – Обо мне же договаривались. Сказали – вы будете в курсе.

– С кем? И в курсе чего? – на лице женщины вновь появи-

лось любопытство, и даже показалось, что она слегка улыбнулась, как взрослые улыбаются наивности детей, пытаясь оставаться серьезными.

«Ну вот, – пронзила мысль, – Насмешил кадровичку». Первоначальная неловкость, усилившись, потребовала равновесия. «Мымра!» – не замедлило позорно отреагировать подсознание.

– Меня Верницкий... Иван Иванович берет в свой отдел.

– Вот как? – с издевкой спросила кадровичка, – А почему же я об этом ничего не знаю?

– Не знаю, – пожал Женя плечами, – Мне сказали, что и с начальником экспедиции этот вопрос решен... А вы позвоните... – пришла спасительная догадка.

– Позвоню, позвоню, – перебила его женщина, – Как фамилия-то?

– Емельянов...

– Давай-ка документы... – уже более дружелюбно произнесла заведующая отделом кадров, – Посмотрю...

Он протянул трудовую, диплом и паспорт.

– Военнообязанный? – спросила она.

– Да, – рука, опередив мысль, метнулась к нагрудному карману, – Вот.

– Емельянов Евгений Иванович... – медленно констатировала заведующая, – Присаживайтесь, – перешла она на «вы». Сняла трубку с белого когда-то, пожелтевшего от времени аппарата и, взяв со стола ручку, стала крутить ею те-

лефонный диск. В глаза бросился самый край колпачка, изгрызенный зубами и ставший из синего голубым.

Хозяйка кабинета замерла. Замер вслед за ней и Женя. И секунды три в помещении царила тишина. Потом голубой кончик колпачка стал вытанцовывать на его трудовой книжке степ, ритмично перепрыгивая с фамилии на имя и обратно. Наконец, кадровичка чуть вытянула шею, подавшись вперед, отчего на ней почти разгладились морщины.

– Иван Иванович? Добрый день... Иван Иваныч, вам в отдел геолог нужен? Нет? – почему-то удивленно переспросила она, – Уже нашли?

Женя не успел еще ничего подумать, как тепло прилило к щекам. «Неужели опоздал? – в запале он про себя даже ругнулся, – Сволочи – два лишних дня проваландались с документами после отработки... Неужели опоздал?»

– Да у меня здесь молодой человек сидит, – голос отвлек от размышлений, – Говорит, что вы его берете... Емельянов... Евгений...

Появившаяся надежда, сосредоточившись в ушах, максимально напрягла слух – так захотелось услышать голос в трубке. «Может, еще не все потеряно? – пронеслось в голове, – Может, это обо мне?»

– Да... Поняла Иван Иванович... Хорошо Иван Иванович... – заведующая заулыбалась, и ее лицо неожиданно стало моложе, и даже пробившаяся у корней волос не окрашенная хной седина уже не так ее старила, – Да-да, все сделаю.

Обязательно помогу, – продолжая еще улыбаться, она положила трубку и подперла этой же рукой подбородок. Внимательно посмотрела на Женю.

Освободившись от улыбки, кадровичка снова заметно постарела. Но все же во всем ее облике остался след разговора с главным геологом, видимо, сказавшим ей что-то светлое и хорошее. Ее лицо – посветлевшее и похорошевшее от этого – уже не в силах был закрыть панцирь чиновничьей маски. Она вдруг стала простой сердобольной теткой, желавшей помочь своему в третьем или четвертом колене племяннику, приехавшему в город из деревни устраиваться на работу.

– Ну что ж, Евгений... – кадровичка открыла зеленую книжечку паспорта, – Иванович, будем оформляться. Верницкий говорит – вы племянник Сосновского?

– Да, – Женя снова покраснел, ответив, как научили.

После обеда он, счастливый от свершившегося, уже сидел в кабинете у главного геолога и отвечал на его вопросы.

7.

Через три дня, с самого утра Женя стал собираться в дорогу. В аэропорт – к шести вечера, и, значит, он успеет не только уложить все то, что с помощью мамы готовил с собой, но и провести какое-то время с Машей. Вчера она согласилась встретиться с ним, когда он звонил Игорю и снова попал на нее. На вопрос, чем она завтра собирается заниматься, Маша ответила, что едет в Гомель – в университетскую библиотеку. Женя, даже подумать ни о чем не успел:

– А давайте встретимся? По городу погуляем, – предложил он. Если бы не сказал этого сразу, если бы только хотя бы секунда отделила мысль от поступка, то поступка, скорее всего, и не последовало. Женя понял это еще в тот момент, когда начинал говорить. «Слава богу, – подумал, – Значит, так надо».

– А почему бы и нет? – будто сомневаясь, проговорила Маша, – Хорошо. Я позвоню вам, как освобожусь. У нас как раз на корпусе автомат есть.

– Спасибо, Маша, – Женю снова, как тогда – в гостях, охватила радость.

– За что? – удивилась она.

– За то, что не отказали, – опять, не задумываясь, ответил он.

– Вы меня смущаете, Женя. Я же не принцесса какая-ни-

будь, у которой вы просите аудиенции.

– Пожалуй, здесь я с вами могу согласиться лишь отчасти... – Женя вдруг осмелел, получив надежду.

– Что вы имеете в виду? – в ее голосе появилось любопытство.

– Вы, если и не принцесса по крови, то по духу уж точно. Несколько мгновений его последнюю фразу сопровождала тишина.

– Не скрою, Женя, – в приглушенном голосе почувствовалось волнение, – мне очень приятно это слышать, не смотря на то, что я терпеть не могу комплиментарность. Почему-то я верю, что вы это сказали искренне. Спасибо. И до встречи. Завтра – ближе к обеду я вас наберу.

– До свидания, Маша.

Женя совсем забыл, что хотел поговорить с Игорем – поблагодарить его на первых порах хотя бы по телефону. Забыл. А вспомнил лишь через несколько минут после того, как поговорил с Машей – Марусечкой.

Сегодня, вспоминая вчерашний разговор, он снова ощущал в груди приятное волнение, перемежающееся с другим – волнением, порожденным страхом. Прагматичный ум, боясь поражения, предлагал вопросы, разбавляя мед радости, дегтем, пусть и смехотворных, сомнений. Плоды заблуждений разума – эти «а если...», отгоняемые уверенностью чувств, как воронье, кружили и кружили в сознании, пока он снова

не отвлекся на сборы. Главное ничего не забыть, потому что неизвестно, что его может ждать там – за несколько тысяч километров от дома.

Без двадцати час неожиданно прозвенел долгожданный звонок телефона, отозвавшись в груди приливом нежности. «Маша!», – он не снял – сорвал трубку с аппарата.

– Але?

Тембр предательски изменился. Пришлось прикрыть динамик ладонью и откашляться.

– Женя? – в голосе Маши послышалась неуверенность.

– Да, Маша, это я.

– Ой! А я подумала, что или не туда попала, или, может быть, это ваш отец... Я уже освободилась.

– А где вы сейчас? – спросил Женя и сразу же вспомнил об автомате на здании университета, – Возле первого корпуса?

– Да. Я сразу же позвонила, как вышла.

– Буду минут через двадцать. Подождете там? Мне две остановки на троллейбусе.

– Конечно, Женя. Жду.

Что-то во всем этом было предсказуемым. Так показалось. Будто все, что происходило между ним и Машей, давно расписанный сценарий, и только и остается, что исполнить заученные роли. Женя вдруг осознал и то, что уже со вчерашнего дня пыталось пробиться в сознание. Он понял, наконец, что тоже не безразличен девушке, и что это так очевидно. «Как до жирафа – на пятые сутки», – подумал. И сно-

ва радость разлилась, казалось, по всему телу. Но он тут же спохватился: «Меня ждут – а я тут кайфую».

Два оборота ключа в замке Женя, изловчившись, сделал в один. Через ступеньку пролетел до первого этажа и бегом рванул к остановке. Водитель, будто специально ждал его, стоял до тех пор, пока он не заскочил на ступеньку. И только после этого закрыл двери и тронулся. «Ну, и скажи, что не судьба?» – пронеслось в голове.

Через пятнадцать минут он уже, улыбаясь, подходил к парадному входу корпуса филологического факультета. Маша встретила его ответной, хотя и сдержанной улыбкой. И от этой улыбки снова восхищенно замерло сердце, отвечая всему, что схватили глаза.

Его русоволосая с пружинками у висков судьба предстала в легком чуть выше колена платьице, обтягивавшем красивую фигурку до середины бедер, а дальше разлетавшемся мелкими складочками. Складочки колыхались в такт движениям, привлекая внимание к себе и к стройным ножкам, на которых еле заметно, но так трогательно виднелись редкие светлые волоски. Движение глаз было мгновенным – туда и обратно, и все же успело смутить сознание неловкостью.

– Здравствуйте, Женя, – совершенно просто сказала Маша, сделав шаг навстречу, – Вы так быстро пришли... я даже не ожидала.

В ее голосе Женя уловил радостные нотки, хотя заметил – свои чувства она старается контролировать. Пришло пони-

мание, что это не показное – не рисовка, как, впрочем, и не результат скрытности. Скорее, в чертах ее поведения сквозила какая-то аристократическая сдержанность – плод хорошего воспитания не одного поколения ее предков.

– Я тоже очень рад нашей встрече, – ответил он и снова констатировал, что ответил не так, как если бы успел подумывать.

Они пошли вдоль улицы в сторону центра города, сначала беседуя ни о чем. Но с каждым разом все более воодушевлялись по отношению к понятным и тому, и другому темам. Их позиции сближались, вызывая похожие чувства. Они перешли на «ты», потому что уже не могли больше находиться так далеко друг от друга. Им было хорошо вдвоем. И они, чувствуя это, начинали смутно видеть свое ближайшее будущее, где каждый из них уже не представлял себя без другого. Иллюзия единства, хотя ни один из них ни разу не обмолвился ни о чем подобном, сопровождала обоих еще долго после того, как они попрощались у дверей пригородного поезда.

8.

Несколько раз, пока ехала, Маша открывала книгу, пытаюсь вникнуть в текст. Но всякий раз мысль уплывала, перетекая, то в воспоминания моментов встречи, то в представления чего-то хорошего и светлого, перекликавшегося с тем, что произошло сегодня. Она смотрела в окно, иногда отвлекаясь от раздумий на картины природы или какие-то эпизоды на полустанках, но совсем ненадолго. Чувства, глубоко покоившиеся в ней до сего времени, вдруг взбунтовались. А возможности успокоить их не то чтобы не было – не появлялось даже намерения, настолько завораживающе прекрасным оказалось их присутствие. «Он такой милый, – думала Маша, – И без всяких заморочек...» Мысль запнулась и что-то стала искать в памяти, будто хотела опровергнуть саму себя, засомневавшись, что этих самых заморочек точно нет. «Принцесса...» – услышала она Женин голос, и сердце тут же отреагировало на него. Сначала радостно замерло. Потом вдруг – на какую-то долю секунды – озаботилось сомнением. «Это же было искренне, – стала оправдываться, словно невидимый визави утверждал, что это и есть то, что она пытается скрыть. То, что хочет оставить себе по причине получения удовольствия и что противоречит ее нравственным представлениям, – А если искренне, то... неужели и вправду я ему так нравлюсь?» Совершенно не знакомая до сих пор,

хлынувшая из сердца нежность, разлившись по груди, сначала поднялась и запершила в горле, потом завибрировала в ресницах – заставила увлажниться глаза.

– Что случилось, милая?

Маша, словно очнувшись от сна, увидела сидевшую перед ней старушку, которая подалась вперед, сочувственно заглядывая ей в глаза.

– Что? – машинально спросила Маша, не понимая, что происходит, – Вы мне?

– Тебе... тебе, милая, – женщина, как бы убеждая Машу, повертела вправо-влево головой и развела руками, – Мы ж с тобой тут, почитай, одни.

В вагоне, и, правда, людей – раз, два и обчелся. И то, в основном, по торцам. А Маша со старухой оказались в середине – в отдалении от всех.

– Что вы спросили, бабушка? Я задумалась и не услышала.

– Случилось ли чего у тебя, девонька моя? Глазки что-то заблестели...

– У меня? – изумилась Маша. Ей вдруг стало как-то не по себе от этого сверлившего ее внутренности взгляда. Не то чтобы совсем. Но бесцеремонное вмешательство в ее личное пространство показалось неприятным. Старуха словно вошла в душу и там хозяйничала.

– У тебя, моя милая, у тебя.

– Да что вы, бабушка, говорите? – Маша вдруг, будто испугавшись, поплевала через левое плечо, – Все у меня хоро-

шо, – она даже попыталась улыбнуться, потому что ей стало жутковато: «Что ей надо от меня?»

– А то и говорю, милая. Если это слезы радости, то за ними всегда жди других слез. А ты не подумай чего. Мне от тебя ничего не надо, – словно отвечая на мысленный вопрос Маши, проговорила она, – Просто увидела, что ты вроде плакать собралась. Вот и спросила. Ты, если что, прости уж меня старуху.

– Да нет. Что вы. Не надо извиняться, – Маше вдруг стало неудобно перед этой доживавшей свой век женщиной, проявившей к ней своеобразное участие и напоровшейся на ее черствость или даже на враждебность, – Это вы меня извините. До меня просто не сразу дошло...

– Ладно, ладно, девонька! – махнула старушка рукой, – Не мечи бисер-то. Поняла я уж. Не буду больше мешать тебе. Думай свою думу, – замолчав, она отвернулась к окну. А Маша осталась с не пожелавшей успокаиваться до конца совестью. А еще – с каким-то томительным ощущением потерянной радости, которая, как цыпленок из своего заточения, ритмично пульсируя, старалась проклюнуться в сознание. Она попыталась снова думать о Жене, но того упоения от мысли о нем уже не было. Тревога, появившись в душе, отравляла ее своим неумолимым присутствием. Словно оживляла слова старухи о других слезах, о которых Маше еще знать было не дано, но о которых, вобрав опыт поколений, она подспудно знала. «Пусть ничего не случится с ним.

Пусть долетит благополучно. Пусть вернется. И пусть беды обойдут его стороной», – как молитву стала произносить она осторожные фразы. Так, словно в ней заговорили голоса всех тех женщин, чья жизненная сила текла сейчас в ее кровеносных сосудах. И проводя обряд посвящения в ней через состояние влюбленности, они обрекали ее на служение любви – всеобъемлющей и всепроникающей.

9.

Проводив Машу, Женя заторопился. Белый циферблат вокзальных часов, перерезанный наискосок черной линией стрелок, показывал без десяти минут четыре. А это означало, что у него, чтобы добраться до дома, взять рюкзак и доехать до аэропорта, есть два часа. То есть, времени – в обрез. Ему повезло: только подошел к остановке, как подъехал троллейбус, и уже через двадцать минут, выйдя из лифта, он оказался у двери квартиры.

Дома – никого: родители на работе – с ними он попрощался еще утром. Вытащив из холодильника продукты, приготовленные матерью в дорогу, уложил в холщовую сумку. Отрезал кусок колбасы, хлеба и стал жевать. Мысль о том – не забыл ли чего – стала метаться от одного к другому. Наконец, пришло понимание, что все равно не сможет учесть всего, потому что вряд ли представляет те условия, в которые попадет. Самое главное – не забыть документы: "иначе – вилы». Он еще раз проверил куртку – все ли на месте.

Рюкзак оказался тяжелым. Но правильно уложенные вещи достаточно комфортно вписались в рельеф спины. Женя присел на краешек тумбы для обуви – на дорожку. Но почти сразу поднялся. Вышел на площадку и запер за собой дверь. Замок, щелкнув металлом, гулко прозвучал в пустоте лестничной клетки. Он, словно выстрел стартового пистоле-

та, символизирующий начало забега, возвестил начало дистанции в новом коридоре сложного лабиринта жизни.

Без пятнадцати шесть автобус подъехал к относительно небольшому зданию аэровокзала. Женя вошел внутрь и стал искать глазами экспедиционного диспетчера. Нашел почти сразу: Альберт Михайлович, когда рассказывал, очень четко, не смотря на шуточный комментарий, описал его внешность. Ошибки просто не могло быть. У одной из стоек – на небольшом возвышении стоял человек пенсионного возраста. Лицо с измененным от длительного употребления алкоголя цветом украшала рыхлая с фиолетовыми прожилками картофелина носа. А его оконечность венчали старые, с толстыми линзами очки в пластмассовой светло-коричневой оправе, убегая дужками в торчавшую вокруг лысины шевелюру. «Импозантный дядька, – мелькнуло в голове, – совсем уже дедуля».

Вокруг диспетчера толпилась группа мужчин. В основном – в темной одежде. Некоторые с бородами. Одни подходили, другие уходили. Они называли свои фамилии, а дядька, к которому многие обращались просто по отчеству – Францевич, сгибаясь каждый раз головой чуть ли не вплотную к лежавшему перед ним листку бумаги, отмечал их в списке. Иногда переспрашивая что-то, улыбался или посмеивался. Подошел к нему и Женя. Поздоровался и назвал фамилию. – Емельянов? – диспетчер в очередной раз согнулся и стал

водить кончиком ручки по списку. Поставив галочку, взглянул поверх очков, – Геолог?

– Геолог, – ответил Женя.

– Ты же первый раз на вахту, – то ли спросил, то ли констатировал Францевич и вздохнул, будто о чем-то сожалел.

– Да. Первый, – насторожился Женя. По интонации, по тому, как на него отреагировали, почему-то пришла мысль, что поездка сегодня ему точно не светит, – А что?

– А то, что тебе инструктаж надо провести, – недовольно пробурчал диспетчер.

– Какой инструктаж? – не понял Женя.

– А, ладно... – Францевич, шмыгнув фиолетовой картофелиной и пробарабанив кончиками пальцев по списку, поинтересовался, – Водку везешь с собой? – в его мутных старческих глазках появился живой интерес.

– Нет, – удивился Женя, – А что?

– Вот заладил – а что-а что. Да ничего. Главное не пей на борту. Не связывайся с компаниями, если будут предлагать. А то народ у нас тут ушлый. Всяких хватает. И сидельцев бывших. А сегодня Волков летит – главный инженер... да, и смотри – не прозевай команду на вылет.

«Вот это инструктаж», – подумал Женя, увидев, что интерес к его персоне иссяк.

– И все? – машинально спросил он.

– А ты чего хотел? Смотри – куда все, туда и ты. А в самолете стюард свое скажет... Может быть, – добавил он с

сомнением, – Все. Иди Емельянов, не дури голову. Видишь, куча народа за тобой?

Женя отошел к большому – во всю стену окну и сел на скамью, устроив рюкзак между ног.

Сидеть пришлось около часа. Все, что первые минут пятнадцать живо интересовало его, надоело, и он погрузился в приятные воспоминания...

– А что ты любишь больше всего? – память вбросила в сознание Машин голос, – Я имею в виду, чем тебе нравится заниматься?

– Мне? – переспросил Женя, не задумываясь, – Даже не знаю, что тебе и ответить, – он вздернул плечи, – Я много чего люблю. Поесть, например, – сказал и рассмеялся, поймав ее удивленный взгляд.

– Я серьезно, – насупилась Маша, улыбаясь.

– Ну ладно... А давай лучше ты первая.

– Нет, – твердо сказала она, – Я первая спросила.

– Ну, хорошо, – Женя понял, что ему не отвертеться, – Читать люблю. О всяких приключениях там... Фантастику тоже...

– А еще? – не отставала Маша.

– Головоломки всякие люблю решать. Я одно время даже специально ходил по книжным и выискивал всякую такую литературу, где есть задачки на сообразительность.

– Здорово, – обрадовалась Маша, – Я тоже такое люблю. Но больше всего люблю рисовать... – она запнулась, – ну, об

этом ты уже знаешь. А еще люблю этимологию.

– Этимологию? – переспросил Женя.

– Нет. Этимологию – происхождение слов. Знаешь, как бывает интересно, когда затертое в быту слово вдруг оживает в твоём сознании.

– Кажется, я понимаю, о чем ты говоришь. Но все же – объясни.

Маша на секунду задумалась.

– Вот! – встрепенулась, – Вот, например, слово «спасибо». Ты никогда не задумывался, что оно собой представляет: как оно сформировалось.

Женя повел плечами.

– Ну, спасибо и спасибо, – ничего не обнаружив в слове, недоуменно произнес он, – А что в нем такого интересного?

– А то, – еще больше оживилась Маша, – что это слово состоит из двух слов – «спаси» и «бог».

– Да ну?

– Да. Они соединились в одно в процессе времени, а последний согласный... фрикативный, – добавила она, взглянув вопросительно на Женю, – ну, как бы мягкий... из-за этой своей мягкости почти не слышимый, исчез вообще. И вот результат, – закончила она. Ее глаза лучились радостью, словно она сделала что-то хорошее, что заслуживало, как минимум, похвалы.

– Здорово... Отличная головоломка, – поразился Женя, поняв ее состояние, – Удивлен...

Он вдруг почувствовал оживление в зале. Из бокового придела появился Францевич, и к нему устремились мужчины с рюкзаками. «Видимо, уже, – подумал, ощутив при этом в груди волнение, – С чего бы это?»

– Вахта на Советский, – как-то смешно выкрикнул диспетчер надтреснутым старческим голосом, – Проходим все в автобус... Семенов! – обратился он к кому-то, – Ты ближе – позови там курильщиков с улицы.

Когда уже почти все оказались в светлом от обилия окон автобуса, послышался щелчок в динамиках, и дикторша, лениво растягивая слова, казенным голосом объявила вахтовый рейс до Советского.

Через несколько минут аэродромная стекляшка подкатила к одному из стоявших в ряд АН-24. Бортмеханик как раз поднял вверх передний люк багажного отсека, и народ из автобуса устремился к нему. Четыре человека заскочили внутрь, чтобы принимать рюкзаки и укладывать их на полки. Двое из них остались в отсеке, а двое других юркнули в салон. Позже Женя узнал, что таким образом бригады засылали своих, чтобы занять места сзади, где меньше был слышен рев моторов, и меньше ощущалась вибрация. Подав одному из парней свой рюкзак, он с холщевой сумочкой, где была отложена еда на дорогу, направился к трапу.

Оказавшись в салоне «аннушки», как называли ее вахтовики, Женя пару раз попробовал сунуться на свободные, казалось, места, но каждый раз его действие останавливал

окрик «занято». Постепенно он добрался до передних мест, где на самом первом – справа у иллюминатора сидел худенький паренек с реденькой русой бородачкой и в очках.

– Здесь-то хоть, надеюсь, свободно? – довольно грубо обратился он к худосочному очкарику с книжкой в руках, уже ни на что не надеясь и начиная злиться.

– Пожалуйста, – добродушно ответил тот, стараясь быть услышанным в гвалте переговаривавшихся и перекрикивавшихся людей, и сделал вид, будто подвинулся, хотя двигаться было некуда.

Женя устроил свою сумочку на полке – над головой и, облегченно вздохнув, уселся.

– Извини, – спросил запросто очкарик, – не видел тебя раньше, ты недавно, наверное, устроился?

Странно, но бесцеремонность парня, вместо того, чтобы окончательно Женю вывести из себя, почему-то развеселила.

– А что – заметно? – улыбнулся он.

Редкая поросль на лице парня, через которую просвечивались правильные черты лица. Смуглая кожа. Римский, с небольшой горбинкой нос, украшенный полупрозрачной пластмассой очков. Умные темные глаза, спокойно смотревшие через не толстые стекла и казавшиеся немного выпуклыми благодаря линзам. Все это вместе выглядело как гротеск, но почему-то располагало к себе. Жене даже на мгновение стало неудобно за то, что нашел в этом простодушном

человеке крайнего в поисках места.

– Ну... не так, чтоб очень, – интеллигентно ушел от прямого ответа парень, улыбнувшись в ответ, – Меня, кстати, Романом зовут. Я дефектоскопистом работаю. Отдел главного механика. А тебя?

– Я – Евгений... – протянул Женя руку, – Можно – Женя. Роман ответил крепким рукопожатием.

– Жень, а ты из какой организации... экспедиция, АТК... или, может, геофизик?

– Я? – переспросил Женя, не сразу сообразив, о чем речь.

– Ну, да. Где ты работаешь? – уточнил Роман.

– Да еще нигде. Я первый раз лечу... Я геолог.

– Так ты у Верницкого, наверное, в геологическом отделе будешь? – чему-то обрадовался парень.

– Точно. У него, – согласился Женя, – Верницкий Иван Иванович.

– Хороший человек. О нем все хорошо отзываются. Не знаю, правда, как он, как начальник. Я-то его по шахматам знаю. Сильный дядька. КМС.

– Да? – переспросил Женя, хотя последняя информация его не заинтересовала.

– Да... – ответил Роман. И, видимо, уловив состояние собеседника, добавил, – Ладно, обживайся. Еще наговоримся за дорогу, – он раскрыл свою книгу, оставив Женю самому себе.

Прямо перед носом – на перегородке, разделяющей салон

и багажный отсек, красным светом вспыхнули No smoking и Fasten belts. И постепенно увеличивая обороты сначала с одной стороны, а потом и с другой заревели двигатели, превратив самолетные винты в полупрозрачные круги. «Аннушка» вырулила на взлетную полосу, проехала в начало, развернулась и встала на тормозах. Отчаянно взревели двигатели, ввергая душу Жени в какой-то экстатический трепет, словно сейчас не самолет, а он сам собирался взмыть в небо, наращивая в себе силу. В какой-то момент он даже ощутил единство с мощностью моторов, готовых оторваться от крыльев или переломать тормозную систему, мешавшую им прямо с места взмыть в высоту. Наконец, Женю вдавило в кресло, и чувство единства со всей этой многотонной громадиной превратилось в восторг. Потом – когда машина оторвалась от земли – в осмысленную радость полета. Потом включился инстинкт самосохранения. Откуда-то снизу – из-под пупка выполз и стал проникать все выше и выше страх. Он добрался до солнечного сплетения и, смешиваясь там с радостью, сотворил что-то невообразимое. А через каких-то полчаса душа, расширяясь и сжимаясь – подстраиваясь под рев двигателей, одурманенная, уже почти себя не осознавала. За всплеском чувств последовала усталость. И сознание, пройдя контрольную полосу полудремотного состояния, растворилось в вязкой, заполнившей все существо, иллюзорной вибрирующей реальности.

10.

Женя шел по широкой песчаной полосе. Справа пенными волнами, прибывавшими к берегу водоросли и мусор, бурлило Балтийское море. Он знал почему-то, что это именно оно. Может, потому, что слева от него вдаль уходили дюны. Поросшие травой, они цепко удерживали золотистые с зелеными кронами сосны, размахивавшие ветвями, словно крыльями, как будто собирались улететь. Складывалось странное ощущение, потому что он, шагая в полную силу, то продвигался очень медленно, то вдруг перескакивал на несколько метров вперед, не меняя усилия. То оказывался почти у самой воды, а то вдруг – руку только протяни – можно было прикоснуться к золотым чешуйкам устремленных в бело-голубое небо стволов. Женя взглянул под ноги и удивился. Песок под ними шевелился. Дрожа и перекатываясь, двигался в разные стороны. Он, как и Женя, метался и перепрыгивал с места на место, словно ни гравитации, ни инерции, ни даже массы не существовало. Ничего такого, что в земных условиях имело бы значение. Неожиданно и грохот волн, и шум ветра стал быстро затихать. Его сменил шум человеческих голосов, ворвавшихся откуда-то. Появились люди. Они обступили его, начали наперебой что-то говорить. А тот, что был ближе всех, похожий на жабу, схватил за плечо.

– Старик, просыпайся... просыпайся... Саранск, – тере-

бил его за рукав дефектоскопист, выпучив за линзами очков глаза.

Сознание нехотя стало возвращаться. От неудобной позы, затекла шея. И рука. Тело ныло и сопротивлялось движению. Женя встал и оглянулся назад. Последние несколько человек в хвосте самолета уже покидали салон.

– Пойдем, пойдем, – стал торопить Роман, – Мы последние.

– А куда мы? – зевая, спросил Женя.

– В аэропорт. Автобус – вон, видишь, – кивнул он вправо – на иллюминаторы, – Пока заправят, пока отстоится топливо, пока пробы возьмут...

– Не понял, – обернулся Женя.

– Так положено. Когда идет дозаправка, в самолете никого не должно быть.

– А-а! Понял.

Они последними вошли в прозрачный салон автобуса, и тот, насколько можно резко развернувшись, стал быстро пересекать бетонную пустоту аэропорта. А через несколько минут, подрулив к аэровокзалу и резко затормозив, распахнул двери. Но вахтовики даже не все успели выйти из него, как диктор объявила о посадке.

– Заходим обратно, – крикнул старший рейса.

Послышался неодобрительный ропот.

– Семеныч, – возмутился неопрятный бородатый мужик, стоявший рядом с Женей, – Чо за хрень? Ни тебе в туалет

сходить. Ни покурить, – от него отвратительно через запах неухоженности пахло перегаром.

– Завьялов! – бесцеремонно одернул его старший, – Дома будешь права качать – перед женой. Сказано – в автобус, значит, в автобус... В Свердловске накуришься, – добавил он, взглянув в сторону главного инженера, массивно стоявшего чуть в сторонке.

– Ладно, ладно тебе. Молчу, – буркнул мужик, входя в проем передних дверей, и жуликовато оглядываясь, стал протискиваться в другой конец.

– Вот увидишь, – склонился к Жене дефектоскопист, – сейчас втихаря – в рукав будет курить. В Саранске нас уже не первый раз так мытарят...

– Извини, – не стал Женя ждать подробностей, – А Семеныч – это кто?

– Семеныч? – переспросил Роман, – Начальник бурплощадки – Копытов. Мой тезка, между прочим.

Последними в салон, переговариваясь, вошли главный инженер со старшим. И автобус, хлопнув дверями, тронулся. По салону, буквально через полминуты, потянуло сигаретным дымком.

– Кто там курит? – повернувшись назад, громко спросил старший, – Кто-то хочет поездком – за свой счет ехать в Советский? Завьялов?

– А чо – Завьялов? – донеслось сзади, – Кроме меня здесь – чо – никого нет? – бородатый театрально оглянулся по сто-

ронам, вытянув шею, – Семеныч, – возмутился он наигранно, с ехидной улыбкой, – На этот раз, точняк, не я.

– А кто тогда? – переспросил старший, явно не ожидая ответа.

– А мне почему знать? – снова, ехидно улыбнувшись, возмутился бородатый.

Автобус как раз подкатил к самолету.

– Всегда здесь так? – спросил Женя, когда они с Романом вышли из автобуса.

– Это Копытов перед главным выпендривается. А так бы сидел, как слива в ж... – сказал, наклонившись к уху Жени, Роман, – У Завьялова крыша в тресте. Там у него, образно говоря, то ли брат, то ли сват... Короче, выступление Копытова – это так – вода. И все об этом знают. Но все пытаются играть по правилам.

– Даже так?

– А ты как думал? Здесь ты ни одного человека с улицы не найдешь. Все по чьей-то протекции. Только у каждого она разная... Иди вперед, – пропустил он Женю к трапу.

– Ну, да. Понятно.

И опять, взревев моторами, неутомимая «аннушка» взмыла вверх. Поднялась над рваным покрывалом темневших внизу облаков, через дыры которого уже начинали светиться в начинавшейся ночи большие и малые населенные пункты. Через некоторое время в самолете остался только дежурный свет. И Женя, взявшись поначалу за «Гения», по-

мучился немного, всматриваясь в текст, и, приподнявшись, положил книгу на полку.

Монотонное – то возрастающее, то убывающее гудение двигателей, когда он вслушивался в него, сбивало дыхание. Сознание все норовило подстроить его под амплитуду подъемов и спадов. Но от этого становилось неприятно и даже болезненно в районе солнечного сплетения, или чуть ниже – трудно было понять. Диафрагма отвергала сознательное насилие над собой. И Женя, закрыв глаза, постарался отвлечься – начал анализировать увиденное и услышанное сегодня. Время стало сдвигаться в прошлое. Все больше и больше. Появилось ощущение чего-то приятного, нараставшее с каждой секундой, пока, наконец, не воплотилось в лучистую улыбку Маши. Пришло удивление. До него вдруг дошло, что это тоже было сегодня. Сон до Саранска и огромное количество событий новой для него жизни с такой частотой градуировали время, что с Машей, показалось, они встречались не только не сегодня, но даже не вчера. Чувство, что прошло уже дня три – не меньше, настойчиво заявляло о себе, споря с элементарными принципами логики. «Маша», – улыбнулся Женя, забыв вдруг обо всем, что могло помешать этим воспоминаниям. Сознание, проскочив еще дальше по коридору времени, обнаружило девушку стоящей у корпуса университета. Она встала, почти как тогда, встретив его ответной, но уже не столь сдержанной улыбкой. И сердце, словно это было наяву, снова замерло, отвечая тому, что схватили

беглым взглядом глаза. Легкое чуть выше колена платице, обтягивавшее фигурку от лифа до середины бедер, колыхнулось разлетающимися вниз мелкими складочками. И это движение моментально привлекло внимание глаз к ее стройным ножкам, на которых с этого расстояния еле заметно, но так трогательно виднелись редкие светлые волоски. Если бы не спонтанное любопытство на движение ткани, у него смелости бы не хватило посмотреть туда.

– Здравствуйте, Женя. Вы так быстро пришли... я даже не ожидала.

«Как? Как я мог на целых полдня забыть о ней?» – подумал Женя, чувствуя, как теряет точку опоры в пространстве, уплывая туда, откуда Маша сбивавшимся тембром стала повторять слова последней фразы.

11.

Аэропорт «Кольцово» встретил вахту ночной иллюминацией огней и мелким затяжным дождиком. Свердловск изнывал от власти безветрия, насквозь пропитанного липкой духотой. Сообщение стюарда о температуре за бортом оправдалось почти сразу же как открылась дверь. Еще не успев выйти, Женя ощутил теплую влагу. А когда стал спускаться по трапу, почувствовал, как ткань рубашки становится волглой и начинает прилипать к телу. «Ничего себе резко-континентальный климат, – подумал, – Тропики позавидуют». Это был даже не дождь. Скорее, водная пыль, насытившая до предела значительно потяжелевший воздух. И он, проникая через ворот, впитывался в кожу, отчего та становилась тоже теплой и влажной.

Их отвезли в большой – не то, что в Саранске – аэровокзал, и перед тем как открылись двери автобуса, старший – Семеныч – громко предупредил:

– Народ, внимание! Далеко не разбредаться. Всем слушать аэропортовский брехунок, потому что ждать никого не будем. Кто не успеет, поедет поездком – за свои кровные... Все слышали? – спросил, – Чтоб потом не говорили... – он замолчал, не найдя, видимо, слов, а, может, смысла продолжать.

– А сколько мы здесь будем, – спросил кто-то, озвучив

появившийся у Жени вопрос.

Семеныч усмехнулся:

– Для тех, кто летит впервые, сообщаю, что сие неведомо никому. Мы не штатные рейсы, а потому, когда воткнут куда-нибудь, тогда и полетим. Может случиться и как в Саранске. Но судя по моему опыту, час – не меньше. Поэтому никому не расслабляться – особенно в буфетах. Всем превратиться в уши – слушать сообщения диктора... Есть еще вопросы?

Вопросов больше не было.

Дефектоскопист Рома, пока преодолевали накопительную зону – по его словам «отстойник», шел рядом. Но сразу же исчез в толпе, как только вышли в вестибюль.

Женя пошатался по первому этажу. Поднялся по лестнице на второй. Минут десять проторчал у киоска с уральскими сувенирами, разглядывая местные шедевры из полудрагоценных камней. Здесь много лежало и висело бус разных цветов и размеров. Стояли яйца в подставках и пепельницы. А в промежутках между всем этим богатством красовались броши. Чего только не выпиливалось из камня местными мастерами. Но больше всего глаза натыкались на шкатулки и шкатулочки из малахита. С ящерицами в золотистых коронах и без. Они символизировали хозяйку медной горы и, похоже, были главным украшением полок. Понравились и несколько фигурок из яшмы. «Вот бы Маше что-нибудь из этого подарить», – подумал. Но то, что нравилось, стоило

дорого, а что – так себе, так на это и денег было жаль. Тем более что их у него – не слишком-то. Если не сказать – кот наплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.